

Цикл «Времена года»

По волне моей зависти

А время бежало, бежало, с тех пор счет теряя годам,
Бежало, бежало, меня все кидало и здесь я, и там...

/ Николас Кристобаль Гильен Батиста/

/перевод И. Тыняновой/

Ещё в детстве я заметил, что моя зависть, даже мимолетная, может привести к пагубным последствиям разной значимости.

Ну, не виноват я, что таким уродился. Сколько себя помню, все время завидовал своим друзьям и знакомым. Я чувствовал себя ущербным. Жили мы вдвоем с матерью, которая работала копировщицей на заводе, названном непонятным словом «ящик». Получала она гроши, питались мы в основном картошкой, которую выращивали ее родители, всю жизнь прожившие в деревне, и соленьями, полученными оттуда же. Одежда доставалась мне от сына маминой подруги, который был на три года старше меня. Своего отца я помню смутно. Он ушел от нас, когда мне не исполнилось и года. Еще пару лет навещал меня, пока не женился во второй раз и не перебрался в другой город. Алименты мать не тратила – откладывала на мое будущее. И когда я окончил школу, их едва хватило на выпускной костюм, белую сорочку, галстук и туфли.

Но вернусь в более далекое прошлое.

Все началось с того, как один мальчик из нашей младшей группы – Коля Сугробов - однажды принес в детский сад огромный грузовик, который ему подарили на день рождения. О таком грузовике мечтал каждый мальчишка, я не исключение. Счастливцев оказался не жадным, дал нам возможность поиграть. Мы катали девчоночьих кукол, загружали кузов кубиками, умудрились посадить туда же самую крохотную девочку – Катюку Медведеву, которая была чрезвычайно довольна этим обстоятельством. В кабине открывались дверцы, так мы засунули туда малюсенького пупса, позаимствованного у той же Катерины.

Меня захватила игра. Я забыл о своей зависти. Но когда за обладателем грузовика пришел его отец – здоровенный улыбчивый мужик в модном в то время меховом полушубке, моя зависть дала о себе знать. Отец подхватил сына на руки, взлохматил и без того непослушные волосы, а когда они потерлись носами, как два разновеликих зверька, то я чуть не разревелся при всем честном народе.

Везет же Кольке, - подумал я. Зависть настойчиво скреблась в душе. Выступившие слезы я наскоро вытер рукавом рубашки, на локтях которой имелись ромбовидные заплатки, сделанные матерью. А маленькую дырочку на груди украшала девчоночья вышивка – оранжевая ромашка с желтой серединкой. С тех пор я возненавидел все полевые цветы, они ассоциировались у меня с бедностью.

Когда Сугробовы покинули группу, мы переместились к окну и стали наблюдать, как отец усаживает Николая на заднее сиденье новенького блестящего автомобиля с хромированными полосками по бокам.

- «Жигули», - с восторгом сообщил нам знаток Васька Дюбин, отец которого работал в автомастерской. Слово он перековеркал, назвав машину «Зигули», но мы поняли, что он имел в виду. Одна Катюка Медведева – совершеннейший профан в автомобилях – заявила, что так назовет свою новую куклу – Зигуля.

Я был рад отвлечься от печальных мыслей и взял на себя обязанность ей всё объяснить. Мамина подруга, которая отдавала нам вещи сына, сама лихо гоняла на «Жигулях», перешедших ей по наследству от погибшего брата, бывшего офицером-пограничником. Но автомобиль тети Веры был стареньким, а этот поражал блеском, целыми фарами, новенькими колесами и необычным звуковым сигналом. В то время, в середине

Цикл «Времена года»

семидесятых, еще разрешались необычные мелодии. Будто бы не предупреждающий сигнал, а музыкальная композиция. Я на миг оторвался от поучительной беседы с Катериной и еще раз позавидовал Васькиному счастью – у него был отец, у меня отца не было.

На следующий день оба Сугрובה попали в страшную аварию на том самом автомобиле. Отец погиб, а Василий чудом остался жив, но стал инвалидом...

Дети быстро забывают о чужих трагедиях, тем более не связывают их с собственной завистью.

Подобное произошло и со мной.

Жизнь продолжалась, но без Коли Сугрובה.

Прошел год.

Неожиданно к нам в гости приехал дальний родственник матери дядя Слава вместе с женой и пятилетней дочерью Инной, которая смотрела на меня свысока. Не только по причине разницы в росте, но и в огромной разнице в возрасте – целых полтора года. Как оказалось, ей было пять лет и семь месяцев, а мне три недели назад исполнилось четыре года.

Инка мне сразу понравилась, несмотря на то, что «задирала нос» и недовольно кривила губы, когда я ходил за ней хвостиком. По всей видимости, это ей нравилось, в итоге она смилостивилась и снизошла до приятельской беседы. Поделилась тайной, что в нее давно влюблен Сережа Москаленко, из ее же старшей группы детского сада, а все девчонки ей ужасно завидуют. Инна достала из ядовито-желтой клеёнчатой сумки фотографию, на которой красовалась компания голопузых ребятишек в трусиках и панамках, ткнула пальцем в одного, скажем честно, невзрачного пацаненка, стоящего рядом с объектом своей страсти, и шепотом сообщила, что это и есть Сергей Москаленко. Потом выудила оттуда же прямоугольное зеркальце с отбитым краем и стала любоваться собой, совершенно забыв обо мне – растерянном мальчишке, которого жгла ревность. Я резко развернулся и потопал в кухню, откуда доносились божественные запахи свежей сдобы. Получил от матери Инны пухлую ватрушку и впился в нее зубами, мысленно посылая проклятья на голову малолетнего ухажера.

Через несколько месяцев моя мать получила письмо от дяди Славы. Он жаловался на жизнь: жена ушла от него к какому-то Москаленко, сын которого ходил в один детский сад с Инной. Сын остался с матерью, а бывшая супруга, прихватив дочь, отбыла в столицу нашей Родины, куда перевели злодея Москаленко-старшего. Я сделал своевременный вывод: Инна с Сергеем теперь почти брат и сестра, так что на моем пути никто не стоит, позабыв при этом, что девочка является мне дальней родственницей. Я мечтал о свадьбе, почти такой же, как у соседа Виктора, который недавно вернулся из Армии и женился на красивой девушке. Во дворе нарядили три машины, одной из которой была массивная «Волга». Именно, на ее капот усадили куклу в фате и белом платье. Кукла напомнила мне Инну. Я так размечтался, что прозевал возвращение жениха и невесты. После все дворовые мальчишки ели конфеты и подсчитывали деньги, которыми обсыпали молодоженов, а я пошел домой, отрезал себе горбушку хлеба, намазал ее сливочным маслом, купленным на мамину премию, щедро посыпал сверху сахаром и вернулся во двор. Не всё же мне завидовать другим, пусть и они мне позавидуют. Обычный хлеб с маслом был в то время любимым лакомством ребятни. Каждый просил «откусить», а обладатель наивкуснейшего «пирожного» милостиво позволял, но не забывал контролировать, чтобы горбушка дольше не заканчивалась. Своей значимостью каждый дорожил. Мне подобное счастье выпадало редко, не выйдешь же во двор с вареной картошкой и обычным куском черного хлеба, политым подсолнечным маслом. Этим никого не увидишь...

Со временем чувства к Инне притупились. Дядя Слава женился вновь на... жене Москаленко, о чем мы узнали из его письма. Но к нам он больше не приезжал, так что с Серегой, как и с Инной, мне повидаться не пришлось.

Связи между посылаемыми на голову Сережки проклятьями и жизненными изменениями в обеих семьях я не уловил.

Но про Инну я вспоминал всякий раз, когда мать получала весточку от родственника. Наверное, это была первая детская любовь, о которой с годами постепенно забываешь, а воспоминания медленно возвращаются с возрастом.

Время до школы пролетело быстро. И вот я пошел в первый класс.

На линейке я сразу обратил внимание на худенькую девочку с двумя огромными бантами на голове, в белом кружевном переднике и букетом лохматых астр в руках. Мне очень хотелось сесть с ней за одну парту. Что я и сделал, едва мы оказались в классе. Но у учительницы было свое мнение на этот счет. На вторую парту в среднем ряду, рядом с МОЕЙ девочкой, она посадила веснушчатого увальня, который сразу дернул соседку за волосы и скорчил устрашающую гримасу. Девчонка испуганно оглянулась и искала меня глазами. Я ей покровительственно кивнул. Лезть на грубияна с кулаками я не стал, отлично зная, что шансы победить невелики. Но весь день сверлил взглядом его спину, страдал, вздыхал и завидовал.

Девочка больше не искала у меня защиты. Она старалась не встречаться со мной глазами, а после уроков ее увела бабушка.

Я подошел к учительнице и попросил пересадить меня на вторую парту.

- Ты хочешь сидеть с Викой Черных? – спросила Людмила Ивановна.

- Да, - робко ответил я и опустил глаза.

- Пока оставайся на своем месте, а там будет видно, - холодным тоном заявила немолодая женщина. Ее голос походил на голос Снежной королевы из мультфильма. По моему телу побежали мурашки, несмотря на духоту в классе.

Я собрался повторить просьбу, но в дверях показалась взволнованная мама. Она заискивающе улыбнулась «Снежной королеве», и мы отправились домой. По дороге я не стал делиться своими проблемами, а изучал носки почти новых туфель, доставшихся мне от сына тети Веры.

Я терпеливо ждал решения Людмилы Ивановны, мучаясь от зависти и ревности. На третий день моего пребывания в школе на занятия не явился мой соперник – Костя Волков. Среди урока в класс заглянула заплаканная женщина и, не дожидаясь уединения с учительницей, сообщила, что Костик в больнице. Ему удалили аппендицит, и он находится в реанимации. Людмила Ивановна вышла в коридор и увела с собой мать Волкова.

Через несколько дней мальчик умер.

Я не мог представить, что Кости больше нет. Мне казалось, что он просто покинул наш город навсегда, выбрав другое место жительства.

Мне было не до Волкова. Мои мысли занимала Вика Черных. Я ждал, что меня посадят рядом с ней, но учительница нашла более подходящую кандидатуру. Этой кандидатурой оказался хлипкий паренек Миша Дутов, в очках с толстыми стеклами, отчего его глаза казались неестественно- огромными. Малыша почти не было видно за спинами одноклассников, но я умудрился выбрать подходящее место для наблюдения за ним и Викторией. Если с Костей девочка почти не разговаривала, то с новым соседом они быстро сдружились, перешептывались на уроке и все перемены проводили вдвоем.

Я страдал. И завидовал Дутову. Драться с ним я не хотел. Легкая победа в мои планы не входила. Тем более Вика могла встать на сторону побежденного.

Так продолжалось до конца октября, пока у Михаила не стало резко падать зрение и его перевели в интернат для слабовидящих детей. Путь к парте Черных был свободен.

Цикл «Времена года»

Людмила Ивановна обвела строгим взглядом класс, остановила глаза на мне, задумалась и... приказала сесть рядом с Викторией вертлявой Светке Сквородкиной.

Я возненавидел учительницу, пожелал ей смерти, а заодно и Светлане, и своей соседке по парте – Насте Ломакиной, которая давно сообразила, по ком я сохну.

- Да, не повезло тебе, Артемчик, - высокомерно протянула она и недовольно поджала губы.

Ее заигрывания мне порядком надоели. Она считала себя первой красавицей класса и удивлялась, что я отбиваюсь от группы ее воздыхателей, которые провожают ее толпой до дома.

Я был зол на всех, включая и Вику. Но выместил свою злобу на Насте: взял ручку и провел жирную линию по всему тетрадному листу.

Ломакина разрыдалась, а меня выставили из класса. Я пристроился на подоконнике и стал изучать школьный двор. Я представил, что внизу стоит гроб с телом «снежной королевы», весь класс скорбит, а я мысленно радуюсь, что избавился от Людмилы Ивановны...

Когда мы пришли в школу после осенних каникул, то не увидели нашей учительницы. На ее месте сидела молоденькая девушка, которая пояснила, что наша прежняя учительница отбыла на Север вместе с мужем – нефтяником.

- Повезло ей, - невольно вырвалось у меня. Но среди всеобщего шума никто не услышал.

В тот день я впервые почувствовал, что могу воздействовать на людские судьбы. Мысленно извинился перед Сквородкиной и Ломакиной, в мои планы их отъезд не входил. Пусть себе учатся в нашем классе.

Не откладывая дело в долгий ящик, я попросил новую учительницу Галину Алексеевну пересадить меня к Вике Черных. Та сразу согласилась.

Всю вторую четверть я разбирался в своих чувствах и не мог понять: почему мне стала безразлична Виктория? Скорее всего, мне был интересен сам процесс «окопной» борьбы за нее, а не она сама.

Я пристально изучал других одноклассниц, но никого заслуживающего моего внимания не нашел. Хотя, многие из них, включая простившую меня Настю Ломакину, пытались привлечь мое внимание.

Мама всегда утверждала, что я красавец. Но я не придавал этому значения. Обноски, которые я носил, искусно затмевали мою привлекательность. Но в то время все ходили в школьной форме, поэтому особо не отличались друг от друга. Свое убожество я ощущал в походах, которые так любила легкая на подъем Галина Алексеевна. Мы все ее обожали. За доброту, за отсутствие любимчиков, за понимание. К тому же она была очень симпатичной, веселой и остроумной. Не удивительно, что вскоре она вышла замуж за учителя по труду Валерия Кирилловича. Я уже собрался ему позавидовать, но внутреннее чутье подсказало этого не делать.

Галина Алексеевна выпустила нас и со спокойной душой ушла в декрет, а мы отправились в четвертый класс...

С годами я стал понимать, что моя зависть приводит к пагубным последствиям, а пожелание неприятностей несет за собой изменения в жизни человека, которому эти пожелания обращены. Поэтому старался воздерживаться от зависти, но иногда не контролировал себя, когда обида захлестывала.

И еще один вывод я сделал.

Если я мысленно желаю человеку, чтобы его заветная мечта не сбылась, то она обязательно сбывается. Все наоборот.

Был такой случай.

В девятом классе к нам пришел новенький. Его звали Андрей Лытко. Мы быстро с ним подружились на удивление всего класса. Моя фамилия - Бука – давно стала для всех и для меня в том числе именем нарицательным. Я сторонился одноклассников, сам не зная

почему. В итоге они оставили меня в покое, я превратился в одиночку, засидевшую на необитаемом острове - последней парте у окна. Два остальных «острова» так и остались необитаемыми – в классе посадочных мест было больше, чем учеников.

Возможно, я сторонился одноклассников, чтобы не накликасть беду на них, а они неосознанно чувствовали угрозу с моей стороны, но так или иначе наши отношения не сложились. Лытко не был осведомлен о странных совпадениях, случавшихся с постоянной регулярностью, если кто-то вызывал во мне интерес или неудовольствие.

Андрей, недолго думая, присоединился ко мне на «острове», по-взрослому протянул руку и назвал себя. Причем, не Андрей, а Андрюха, а при упоминании фамилии усмехнулся, прищурил один глаз и добавил: Я не «лычком шит!» Наверное, считал лыко и Лытко созвучными словами.

Я невольно позавидовал, причем мимолетно и без последствий, его снисходительному отношению к своей неблагозвучной фамилии, чего не скажешь обо мне. Ну, что это за фамилия – Бука? Не фамилия, а прозвище. Поэтому я и стал таким – отгородился от всех и живу на своем «острове», изредка покидая его, чтобы ответить у доски.

Надо признать, что учился я хорошо, не зажимался при ответе. Особенно легко мне давалась математика. Чего не скажешь об Андрее, который, не стеснясь, попросил взять его «на буксир». Был он парнем неглупым, просто часто менял школы, в учебе появлялись пробелы, которые он не горел желанием восполнять. Лытко-старшие обожали менять место жительства, не задумываясь о судьбе сына. Усидеть год на одном месте им было трудно. Они были строителями, проблем с поиском нового места работы у них не возникало.

В нашем городе Лытко решили задержаться, их сын вскоре оканчивал школу и получал аттестат о среднем образовании, в котором должны были красоваться хорошие отметки. Мою помощь своему безалаберному сыну они оценили по достоинству: назвали меня репетитором и уговорили брать деньги за занятия. Поначалу я наотрез отказывался, но под натиском Андрея согласился. О заработке я матери не сказал. Прятал деньги в энциклопедию животных, хотел собрать более-менее нормальную сумму, чтобы купить ей достойный подарок ко дню рождения.

Мне не только платили за занятия, но и кормили обедом и ужином. Я стеснялся, но затем привык. Лытко стали мне второй семьей. Впервые я почувствовал, чем «дышит» настоящая полноценная семья.

Я медленно оттаивал душой, перестал завидовать всем подряд, научился открыто улыбаться и вместе со всеми подсмеиваться над своей фамилией.

Почему-то скоротечность бега счастливого жизненного отрезка не замечаешь. Так случилось и со мной. Незаметно мы подошли к окончанию школы.

Все выпускные экзамены Андрей был задумчив и невесел. Я отнес это на переживания. Успокаивал, как мог. Помогал и подсказывал. В итоге мы получили хорошие аттестаты. У Лытко средний балл был 4,5, у меня – 4, 68.

На выпускном вечере мы выпили за углом школы по стакану портвейна и начали рассуждать о жизни. Наши одноклассники устали от умных речей и вернулись в актовЫй зал, где был накрыт стол, и громко играла музыка. Мы с Андрюхой остались вдвоем.

Переполненный чувствами, я обнял его за плечи и сказал.

- Как хорошо, что мы не расстаемся! Завтра же пойдет в приемную комиссию Технического университета, и подадим документы на один факультет!

При этих словах Лытко вздрогнул и странно покосился на меня.

- Что-то не так? Ты передумал? – испуганно спросил я, хмель моментально выветрился из головы.

- Знаешь, Артемка, многое изменилось в последнее время, - расплывчато произнес он.

- Значит, передумал, - печально вздохнул я и убрал руку с его плеча.

- Пойми меня правильно, я не могу оставаться в этом городе.

Цикл «Времена года»

- Родителей вновь тянет на новое место? – хмыкнул я и стряхнул невидимую пылинку со своего нового костюма.

Непроизвольно вспомнил, как преподнес матери ко дню рождения новую сумку и туфли. Покупки мне помогла выбрать тетя Вера, у которой был один размер ноги с матерью. Она же и подсказала, что цвет сумки должен совпадать с цветом обуви. Надо было видеть лицо мамы! Сначала она ужасно перепугалась, решив, что ее сынок украл деньги, потом выслушала признание, расцеловала меня, привстав на цыпочки, всплакнула и с чувством сказала: «Жизнь прожита не зря».

Воспоминание о маме несколько успокоили меня. Я мог выслушать друга, не вступая с ним в споры. Хотя, поначалу мне хотелось встать и уйти. Вернуться домой и лечь спать.

- Я решил поступать в военное училище, - доверился мне Лытко.

Я облегченно вздохнул: в нашем городе было Высшее ракетное училище. Значит, мы не расстанемся.

- Я хочу уехать в другой город и увезти с собой маму, - едва слышно произнес Андрюха.

- А отец?

- Я не хочу, чтобы он... чтобы он жил с нами.

Я воздержался задавать уточняющий вопрос. Лытко помолчал, а затем поделился.

- У него есть любовница, и мать об этом знает, но не собирается с ним разводиться.

- Наверное, она его любит, - осторожно предположил я.

- Как можно любить человека, который не раз тебя предавал?! – воскликнул он.

Я не знал, что ему на это ответить. Семья Лытко всегда казалась мне образцом для подражания. Я не хотел верить Андрею.

- Твой отец не мог изменить твоей матери! – уверенно заявил я.

- Много ты понимаешь, - скривился друг, - я сам видел папашу с другой женщиной. Он ее... целовал. А потом сел в машину и как ни в чем не бывало, вернулся домой. Я опоздал и не видел его возвращения, но уверен, что он ласково погладил маму по щеке, чмокнул в щеку и назвал Машкой –милашкой... Он всегда так делает. Как можно быть таким двуличным?

- Надеюсь, не ты сообщил Марии Семеновне об похождения мужа?

- Я! – с вызовом произнес Андрей, - но для нее это известие не было новостью. Она призналась, что отец... ходок. Ему нравится разнообразие, но он никогда нас не бросит! Причем сказала с таким счастливым видом, что мне стали противны оба: и она, и он... Я поставил матери ультиматум: или она уезжает вместе со мной, или у нее нет больше сына!

- Андрей, так нельзя! Нельзя ставить ее перед выбором! Она любит вас обоих. Если ее устраивает такая жизнь, зачем тебе вмешиваться?.. Мы поступим в институт, ты можешь перебраться в общежитие и встречаться только с матерью, если тебе не хочется видеть отца.

- Общежитие предоставляют только иногородним, - механическим голосом напомнил друг.

Я испугался, что он вновь заявит о решении перебраться в другой город.

- Ты можешь пожить у нас, - предложил я.

Подобная перспектива его не устраивала. На первом месте было не поступление в институт, а развод родителей. Я впервые видел, чтобы сын мечтал о расставании отца и матери.

Мы еще долго разговаривали. Я пытался переубедить друга, он рассказывал о своих переживаниях. Возвращаться в школу не было желания. Мы побродили по улицам. Сначала я проводил его до дома, потом он меня. И так несколько раз, пока из-за горизонта не показалось лукавое солнце. Мы расстались на середине пути.

Мне очень хотелось спать. Я думал, положу голову на подушку и тотчас засну, но не тут-то было. Я все думал и думал. Я боялся остаться один, без Андрея Лытко, который стал

мне настоящим другом. Уверенности в том, что в институте появится замена, у меня не было.

Или выиграла не боязнь, а зависть? Вот Андрюха может резко изменить жизнь, а я нет? Или во мне говорит обида? Я столько для него сделал, а он нашу дружбу ставит на последнее место. Но и он сделал для меня многое! И смогу ли я остаться прежним без него? Без его поддержки? Без его легких уколов, служащих мне толчком? Без его смешных замечаний, ничуть необидных, но заставляющих оценивать свое поведение иначе?

В полусне я мысленно приказывал Андрею не уезжать. Или пусть поедет и попытается поступить в военное училище, но провалится на экзаменах. Тогда он поймет, что вместе мы сила, а врозь – два ни на что не годных слабака.

Главное, чтобы Мария Семеновна не поддавалась на уговоры сына. Она останется здесь, а это якорь для самого Андрюхи. И тем более я не желаю развода старшим Лытко. Что-то Андрей напутал, не может такой положительный мужчина, как Игорь Дмитриевич, изменять такой замечательной женщине, как Мария Семеновна. Но на всякий случай пожелал несуществующей или существующей любовнице старшего Лытко короткой «счастливой» жизни.

А затем, наконец, успокоился, уснул и проспал до вечера. Меня разбудил звонок в дверь. Мать еще не вернулась с работы, поэтому мне пришлось встать, одеться и открыть дверь гостю. Им оказался Игорь Дмитриевич Лытко.

Я никогда не видел отца друга таким растерянным.

- Артем, ты не знаешь, куда могли уехать Маша с Андреем? – сразу спросил он, переступая порог.

- Они уже уехали? – оторопело поинтересовался я.

- Значит, ты был посвящен в их планы, - догадался мужчина, прижимая меня к стенке.

- Мне Андрей говорил, что хочет поступать в военное училище, но не сказал в какое именно, - недовольно пробубнил я. Мое уважение к этому человеку таяло на глазах. Если мать согласилась на предложение сына, следовательно, ей осточертели измены супруга, и она дошла до точки невозврата.

- Я тебе не верю! – воскликнул он.

- Ваше право, - дернул я головой и добавил, - в любом случае я вам правду бы не сказал.

Распахнул входную дверь и встал с ней рядом, как часовой.

- Сговорились?! – утрашающим голосом произнес Игорь Дмитриевич, погрозил мне кулаком и удалился.

Про свои рассветные мечты я позабыл. Подготовка к вступительным экзаменам в институт занимала двадцать четыре часа в сутки. Но Андрюха не выходил из моей головы. Я с нетерпением ждал от него вестей.

Однажды ко мне вновь заявился Лытко-старший.

- Можешь им сообщить, что я уезжаю и освобождаю квартиру, в которой они оба прописаны, - милостиво разрешил он.

Не сыну и жене, а им. Будто не было тех счастливых лет, прожитых вместе.

- Я не знаю, куда... сообщать, - буркнул я.

- Ну-ну, - многозначительно произнес он и протянул мне ключи от квартиры, где некогда проживала крепкая семья Лытко.

- Могу я узнать, куда вы направляетесь? - остановил его на пороге мой вопрос. – Я не из праздного любопытства спрашиваю, - пояснил я, - вдруг Ваши родные захотят с вами связаться.

- Я еду к родственникам Лидочки.

- Значит, ее зовут Лидочка? - невольно вырвалось у меня.

Он нахмурился, отвернулся и на ходу пообещал, что позже сообщить мне адрес.

Цикл «Времена года»

Через месяц позвонил Андрюха и радостным голосом сообщил, что он стал курсантом Высшего Военного танкового училища. К тому времени я успел сдать всего один вступительный экзамен, получил пятерку, но хвалиться пока было рано - впереди был еще один, и это не предел. Если я получу ниже четверки, то мне предстоит сдавать полный комплект - еще два дополнительных экзамена, не предусмотренных для абитуриентов, имеющих средний балл в аттестате выше четырех с половиной.

Я был рад за друга. Неожиданно вспомнил о своем эгоистическом капризе и сделал вывод: мои пожелания несбыточности мечты человека идут в разрез с исполнением. Это первое.

Второе: пожелание неприятностей недоброжелателю ведут к изменениям в его жизни. И не всегда худшим.

Третье: зависть к более удачливому сопернику приводит к трагедии.

Главное – помнить об этом.

Но разве может студент, переполненный эмоциями, чувствами, мечтами и редкой холодной завистью, которая часто не откладывается в памяти, вбить в легкомысленную голову самостоятельно выработанный жизненный принцип?..

Годы учебы в институте пролетели быстро и без особых потерь, не считая незначительных увечий моих сокурсников мужского пола, решивших перейти мне дорогу любви. Но легкие увлечения, поначалу принимаемые за нечто существенное, улетучивались по мере достижения желаемого.

Моя мать, посчитав свою миссию выполненной, вышла замуж за коллегу, с которым давно встречалась тайно, и переехала к нему. В моем распоряжении осталась двухкомнатная квартира, в которую я не спешил приводить новую хозяйку.

Андрей Лытко каждое лето приезжал на каникулы, мы всё время проводили вместе. Его мать жила в квартире, которую милостиво оставил бывший глава семьи, уже мечтавший о воссоединении. Супружеская жизнь, созданная на обломках бывшего счастья, давно дала трещину. Но некогда всепрощающая Мария Семеновна показала экс-супругу на выход и посоветовала забыть дорогу. Он помыкался по друзьям, нашел себе очередную жену и уехал на новую стройку. Через пару лет вернулся и снова попытался выклянчить прощение, но его бывшая супруга оказалась замужем за приличным мужчиной, который был на восемь лет моложе ее. Они обожали друг друга, и сын только радовался за мать.

После окончания училища, Андрюха заехал в родной дом перед отбытием по месту службы.

Я бросил все дела и помчался к нему.

Дверь мне открыло неземное создание в белокурых кудряшках. Оно смотрело на мир широко открытыми удивленными глазами цвета мартовского неба в хорошую погоду.

В тот день с утра лил дождь, и было прохладно, хотя, на календаре был конец июня. Но меня бросило в жар. Я чувствовал, как струйка пота предательской змеей ползет по спине. Если бы не это ощущения, я бы подумал, что превратился в гипсовую скульптуру. У меня даже сердце остановилось.

Девушка выжидающе смотрела на меня, а я не мог произнести ни слова. В голове, как заезженная пластинка крутилась одна и та же мысль: я ошибся квартирой, я ошибся квартирой...

Но я квартирой не ошибся. За спиной неземного создания появился мой друг Андрей Лытко.

- О, Артем! - поприветствовал он и сграбастал меня в охапку.

Сердце осторожно запустилось.

- Вы уже познакомились? – поинтересовался друг, не отпуская меня, а второй рукой притягивая к себе белокурую девушку.

Мы оказались так близко, что я едва не задохнулся. Я боялся дышать, боялся говорить, лишь таращился на нее сверху вниз. Сердце рвануло ей навстречу. Я непроизвольно прижал ладонь к груди.

- Познакомься, Лика, это мой лучший друг Артем Бука, - между тем представил меня Лытко, - а это моя невеста Анжелика.

- Мне Андрюша о вас много рассказывал, - прожурчала девушка своим необыкновенным голосом, похожим на падение невысокого водопада, который, тем не менее, окатил меня с головы до ног и немного привел в чувства.

- А мне он ничего о вас не рассказывал, - брякнул я.

- Мы познакомились месяц назад и сразу полюбили друг друга, - с улыбкой сообщил друг, поворачивая голову к девушке, словно ждал подтверждения.

Она прильнула к нему, и я понял: всё сказанное им – истинная правда.

На голоса вышла Мария Семеновна.

- Здравствуй, Артюша! – поздоровалась она, - почему вы стоите в прихожей? Стол уже накрыт.

- Я забежал на минуту, - заметил я скрипучим голосом и прокашлялся.

- Ты нездоров? – забеспокоилась хозяйка, - так мы тебя мигом вылечим.

- Я здоров, только дел невпроворот, - попытался оправдаться я, отступая к двери.

- Никаких дел! Все дела отложим на потом, - безопеляционно высказался друг.

- Оставайтесь, Артем, - попросила Лика, и я не смог ей отказать.

Едва мы сели за стол, как в окно заглянуло отдохнувшее солнце. Оно мазнуло лучом по мебели, будто проверяло наличие пыли, сместилось на заставленный закусками стол, кольнуло мне в глаз, и я, наконец, оторвал взгляд от девушки, сообразив, что веду себя не этично.

- Может, погуляем по городу? – предложила девушка.

Я забыл о «неотложных делах», присоединился к ним, не подумав, что становлюсь третьим лишним.

По всей видимости, Андрей и Лика так не считали. Мы вышли на улицу. На асфальте успели появиться сухие неровные пятна вперемежку с лужами. Но ветерок был прохладным, и девушка застегнула пиджак. Я ловил каждое ее движение и одновременно пытался сосредоточиться на рассказе Лытко, который сожалел о состоянии нашей Армии в нелегкое время, а на дворе стояла середина лихих девяностых. Многие его сокурсники после окончания училища решили пристроиться на гражданке, но не лейтенант Андрей Лытко, получивший назначение в Приволжский военный округ.

Друг много говорил, я плохо слушал, но старался поддакивать. И невероятно устал и вспотел от напряжения. Выдержал час прогулки и откланялся, мысленно приказав себе не показываться на глаза Анжелике.

Уже на следующий день я укатил в студенческий лагерь, получив путевку в последний раз. После отдыха я окунусь в поиски работы, распределения в институте давно не было. Муж матери обещал замолвить за меня словечко перед руководством «ящика» (теперь я знал, что обозначает это слово), я не отказывался от протекции, но и не соглашался. Если не найду работу самостоятельно, то прибегну к помощи нового родственника.

В небольшом курортном поселке я две недели предавался развлечениям и разврату, надеясь потерять остатки памяти, в которую вцепилась длинными ноготками девушка Лика. По истечении срока путевки я приобрел большой сексуальный опыт, опухшую физиономию и пустую голову, в которой слышался шум льющегося рекой вина и звон стаканов.

Столько же времени мне понадобилось, чтобы восстановить пошатнувшееся здоровье, затем я принялся за поиски работы, несмотря на уговоры матери. Она решила, чтобы я должен находиться под ее опекой.

Цикл «Времена года»

- Самостоятельность до добра не доводит, - заключила она, намекнув на мою разгульную жизнь на курорте, свидетельством которой стали ежедневные звонки знакомых девушек, непонятным образом совпадающие с ее приходом ко мне.

- Мам, мне двадцать три года, - напомнил я.

- У меня хорошая память, - парировала она. – Пока ты не женишься, я несю за тебя ответственность.

- Надо снять груз весом в семьдесят четыре килограмма с твоих плеч, и завтра же жениться, - усмехнулся я.

- Ты никогда не был легкомысленным. Что-то случилось? – не поддержала моего неискреннего веселья мать.

Мне нужно было смолчать, чтобы не дать Лике вылезти наружу. Пока я старался упрятать мысли о ней далеко-далеко и делал вид, что никогда с ней не встречался. Или мимо прошла симпатичная девушка, оставив в душе инверсионный след, который вот-вот исчезнет.

Но она не прошла мимо, она проехала по мне танком, отодвинув в сторону лейтенанта Лытко.

Я не сдержался и рассказал маме о Лике.

- Я видела Машу, - сказала мать, выслушав мой рассказ о встрече с неземным созданием в доме моего лучшего друга. – Она сказала, что Андрей расписался с Анжеликой без всякой помпы и отправился по месту службы. Он очень сожалел, что не попрощался с тобой. Мне показалось, Андрюша обиделся.

- Лучше пусть обидится, чем останется один, без любимой женщины. Я желаю им обоим счастья, - ляпнул я, не подумав.

- Возможно, ты был прав, когда решил сбежать. Настоящий друг дороже любой женщины, даже красавицы из красавиц.

- Ты так считаешь?

- А кто тебе дороже Андрей или Анжелика? – задала она конкретный вопрос.

- Андрей, - не задумываясь, ответил я, - поэтому и сбежал из города.

Потом разговор перешел на мое будущее, и мне пришлось согласиться с предложением матери устроиться на оборонный завод, где она проработала много лет. Но заранее договорился о дистанцировании. Другого выхода я видел: не изменять же выбранной профессии и идти торговать на рынок?

Я ждал звонка или письма от друга. Любая весть могла служить восстановлением нашей пошатнувшейся дружбы. Я знал, что Андрюха – человек обидчивый, тонко реагирующий на редкие всплески моего выдержанного характера. Я мог пойти к Марии Семеновне, узнать его адрес и написать. Мог, но не шел. Писать, игнорируя Лику, мне не позволяло воспитание и уважение к другу. А передавать ей привет, выводя на бумаге ее имя, мне было трудно, будто каждая буква царапала мне сердце, как острый нож, извергая фонтан крови, остановить который я буду не в силах.

Скорее всего, товарищ лейтенант так окупился в службу, что поначалу забыл о школьном друге, но когда обжился в новых условиях, так сразу дал о себе знать. Черкнул короткое письмецо, вложив в конверт две фотки. На одной он стоял перед строем молодых танкистов, на другой – вместе с молодой женой возле белой березы. Лица у супругов были нерадостными, словно их насильно поставили к дереву и навели фотокамеру.

Я решился позвонить матери Андрея, чтобы разведать, как и что. Хлебосольная Мария Семеновна пригласила меня на блины. Я не стал отказываться и через пятнадцать минут звонил в ее квартиру. Фотографии и письмо я не забыл прихватить с собой.

Ее новый супруг уехал в командировку, поэтому мы могли без свидетелей посекретничать. Сначала я рассказывал о своей работе, потом спросил ее о сыне.

Цикл «Времена года»

- У Андрюши все хорошо. Службой он доволен, начальство его хвалит, - с гордостью сообщила счастливая мать, ни словом не упомянув невестку.

Я показал письмо и фотографии.

- У меня такая тоже есть, - сказала она, указав на танкистов, и стала пристально изучать фотку молодоженов. – Не ладится у них семейная жизнь, - неожиданно поделилась женщина, - сын не жалуется, но материнское сердце не обманешь. Такие девушки, как Анжелика, не могут стать настоящими боевыми подругами.

- Сейчас не военное время, - напомнил я.

- В Армии всё иначе, чем на гражданке. Военный человек служит двадцать четыре часа в сутки, даже в кругу семьи, где его ждет понимание и забота, а не постоянные жалобы на неустройство быта. Если Лика пожаловалась мне, не думаю, что она не пилит Андрея. Я не выдержала и попросила не писать мне письма в подобном тоне, так она, вообще, мне писать перестала. Не нашла у меня понимания. А почему я ее должна ей сочувствовать? Она знала, за кого замуж выходит.

- Знала, конечно, - поддержал я.

- Я с первого взгляда поняла, что Анжелика не пара моему Андрюше. И не потому, что фанатично любящей матери никогда не угодишь. Она неженка и белоручка. Естественно, я не стала его отговаривать. Это его выбор, никто эту девушку ему не навязывал. К тому же она капризна, самолюбива, эгоистична. Разве такая может быть офицерской женой?!

- Не знаю, - промямлил я, сомневаясь в хлестких характеристиках, данных Марией Семеновной Лике.

- Не такая! – веско ответила самой себе женщина. – И самое ужасное, что она не любит Андрея! – с обидой в голосе заключила она.

- Почему вы так решили?

- Я заметила, как она зыркала в твою сторону, когда мы сидели за этим самым столом!

- Она не сводила глаз с Андрюхи, - защитил я Анжелику.

- Меня не обманешь, я всё примечаю, - отмахнулась наблюдательная женщина. – Одним словом, профурсетка!

- Однако, - осудительно покачал я головой, а сам представил эту профурсетку в своих объятиях, и у меня заломило в затылке.

- Конечно, кто устоит перед таким красавцем, как ты, - то ли с восторгом, то ли с осуждением произнесла она. - И рождаются же такие мужики! Что фигура, что лицо, что ум – все в наличии!

- Вы мне напомнили покупателя на рынке, - хмыкнул я.

- Я не зря тебе это говорю! Хочу, чтобы ты, Артемка, сначала разобрался в отношениях с женщиной, в ее чувствах к тебе, а уж потом регистрировал брак... Не то, что мой сынок, - печально вздохнула Мария Семеновна. – Одно меня успокаивает, что будущая разлука с молодой женой не слишком ранит Андрея.

- Рано вы о разводе заговорили.

- Одни всю жизнь в любви живут, другие через неделю разводятся, - философски заметила женщина.

- А почему вы считаете, что Андрей останется безучастным? Он человек впечатлительный. Это с виду кажется, что он ко всему относится с легкостью, но мы-то с вами знаем...

- Знаем, знаем, - кивнула она, - но Андрюша будет только рад освободиться от женщины, к которой он не питает никаких чувств, кроме раздражения. Уверена, мой сын не любит жену.

- А он мне сказал, что полюбил ее с первого взгляда.

- Он заблуждался!

- Откуда такие сведения? Он вам сам об этом сказал?

Цикл «Времена года»

- Напрямую он не пишет, но я читаю «между строк». Не прошло и полгода, а он упоминает о ней вскользь, не делиться планами на будущее, будто и планов никаких нет.

- Вы делаете скоропалительные выводы...

Закончить фразу я не успел, в дверь позвонили. Мария Семеновна пошла в прихожую, а я сунул фотографии в конверт и засобирился домой. И вдруг услышал знакомый журчащий голос.

- ...Я надолго у вас не остановлюсь, переночую и завтра же поеду к родителям...

- Здравствуй, Лика, - мягко поздоровался я, целуя ее своим голосом. Всю-всю, от макушки до нежных пяточек.

- Артем? – удивленно вскинула она брови.

- Ну, что я говорила, они уже успели развестись! – взвыла Мария Семеновна, - бедный мой мальчик, как он там один?!

- Отлично ваш мальчик, - скривилась несостоявшаяся невестка, - уже ухлестывает за дочерью командира полка.

Женщина сразу повеселела и не пожелала скрывать своих чувств.

- Хорошая новость, надеюсь, на этот раз ему повезет больше, чем в первый, - и недовольно покосилась на Лику.

Больше всех был счастлив я. Мой друг расстался с женой без моего вмешательства. Про пожелание счастья молодой семье, которое необдуманно вырвалось у меня, я забыл. А оно сыграло роль режущего инструмента, разделившего одно целое на две половины. Одна из них осталась в танковом полку, другая, такая же свежая, такая же необыкновенно привлекательная, стояла передо мной и призывно посматривала на меня.

Когда хозяйка отлучилась, я быстро чиркнул на клочке конверта свой телефон и сунул девушке в руку.

Теперь я могу идти домой и терпеливо ждать.

Всю ночь я бредил Анжеликой. Хорошо, что на следующий день выпал выходной, я мог проспать до полудня.

Когда завтракал, зазвонил телефон.

- Называй свой адрес, - приказала Лика, не поздоровавшись.

- Где ты? Я приду за тобой!

- Не надо, иначе мы обязательно разминемся, - дорожащим от волнения голосом произнесла она.

Я стоял у окна и ждал ее.

У подъезда остановилось такси, водитель выгрузил из багажника дорожную сумку и поставил у ее ног. Она подняла глаза и поискала мое окно. Я сорвался с места и полетел ей навстречу...

Очнулся я только утром понедельника.

- Мне надо идти на работу, - прошептал я, высвобождая затекшую руку от ее белокурой головы.

- Это обязательно? – спросила она и сладко зевнула.

Я любовался ею, ее заспанными глазами, опухшими от страстных поцелуев губами, помятой щекой, красивым плечом, но нашел в себе силы встать, быстро собраться и уйти.

Но я знал, когда вернусь, в моих окнах будет гореть свет.

Я был счастлив. Невероятно счастлив.

До поры до времени.

А потом она стала меня раздражать. Своей глупой улыбкой, своей бесхозяйственностью, своими липкими чувствами, плотскими желаниями. У меня ломило зубы, когда я возвращался домой и видел ее.

Вещи Лики валялись повсюду. Я поддевал их ногой и отбрасывал в угол, а она хохотала и льнула ко мне. Я грубо ее целовал, валил на кровать, а она продолжала хохотать и ластиться.

Однажды мне захотелось ее придушить.

Но я сдержался, поехал на вокзал и купил ей билет до города, где жили ее родители. Она разорвала билет на маленькие кусочки и сказала, что не может без меня жить.

Я понял, что не любил ее никогда. Мною двигал спортивный интерес.

Как не любил Вику Черных, Настю Ломакину и еще многих и многих.

В моей жизни были два человека – мать и Андрей Лытко. Хорошо, что он избавился от Лики, а я ее познал. Иначе так и мучился бы всю жизнь от непонятного чувства, принятого за любовь.

Мне осталось найти выход из трудного положения.

Завидовать Анжелике я не стал. И не потому, что ее жалел, к тому времени она мне так обрыдла, что я был готов на крайние меры.

Я привычно пожелал ей смерти, надеясь, на ее скорый отъезд. Но в тайне боялся, что все пойдет по другому пути. Какому, я сам не знал.

Но однажды вернулся с работы и не увидел разбросанных женских вещей. На кухонном столе лежала записка.

Я освобождаю тебя от себя, - писала Лика корявым почерком, вероятно от сильного волнения, - уйду навсегда, как мне ни тяжело. Я люблю тебя, Артем! Безумно люблю, поэтому не могу видеть твои страдания. Наверное, тебе нужна другая женщина. Женщина, которая примет условия твоей игры и не нарушит их, растворившись в тебе и забыв о себе...

Я облегченно вздохнул, словно освободился от тяжелого груза. Скомкал записку и сжег ее. Проверил всю квартиру на предмет забытых женских вещей, кое-что нашел и вынес в мусоропровод.

Генеральная уборка поставила точку в наших отношениях.

О будущем я не думал, но представлял себе широкую дорогу, поднимающуюся вверх, к горизонту...

Годы шли, бежали, топтались – в зависимости от моего настроения. Меня увлекала только работа, трогали редкие встречи с Андреем Лытко, который успел жениться на дочери командира полка и обзавестись двумя детьми. Друг был счастлив и доволен жизнью. Чего не скажешь обо мне.

В минуты вдохновения я сходил с женщинами, надеясь на долгие отношения, но быстро охладевал. Меня не трогала их настойчивая любовь. Не трогал их ненавязчивый интерес. Не трогала игра, как предвестник урагана, который быстро пойдет на убыль.

Однообразие утомляло, я становился раздражительным и нервным. Нужно было чем-то увлечься. Моя усидчивость, сосредоточенность и логическое мышление привели меня в шахматный клуб, где я стал проводить всё свободное время, пытаюсь отвлечься от нехороших мыслей.

Мать намекала, что в моем возрасте пора бы подумать о создании семьи, в тридцать пять стыдно быть бобылем. Что люди подумают?

Чужое мнение меня мало трогало.

В шахматном клубе я подружился с одним фанатом-шахматистом. Поначалу думал, что кроме игры в шахматы его ничего не интересует, но ошибался. Иннокентий Белоиван был нормальным парнем тридцати лет отроду, среднего роста, с задумчивыми серыми глазами и темно-пепельными волосами. Создавалось впечатление, что ему на голову вытрясли полную пепельницу с окурками, которые бесследно исчезли, оставив лишь пепел.

Однажды в наш шахматный клуб заглянула девушка, оказавшаяся сестрой одного из членов клуба. Будто бы обычная молодая женщина, невысокая, с прямыми волосами

песочного цвета, без красок на лице, как у манекенщицы, которую можно превратить в кого угодно. Но я влюбился, вызвался ее проводить до дома и сразу признался в своих чувствах. Она усмехнулась, промолчала, но согласилась встретиться на следующий день.

Теперь после работы я не спешил в шахматный клуб, а бежал на свидание с любимой. Я был счастлив находиться рядом с нею, мечтал услышать ответные признания, но девушка говорила обо всем, игнорируя три слова, от которых я воспарил бы над землей.

Однажды я познакомил ее с новым другом – Иннокентием. Она протянула ему руку, и я заметил, как моя девушка вмиг преобразилась. И глаза засияли, и щеки зарделись, и губы растянулись в многозначительной улыбке. Я перестал для нее существовать, если, вообще, когда-то существовал. Когда я ушел, они этого даже не заметили.

Вскоре они поженились. Переживания отразились на моем здоровье. Сначала я простудился, чего никогда не было, потом замучил гастрит, извели головные боли. Едва я отвязался от недомоганий, как сразу сосредоточился на молодоженах. Завидовал Кеше разрушительной завистью. Но она не отражалась на нем, а выедала меня изнутри. Я похудел, осунулся, растеряв привлекательность.

Да, зависть давала строго противоположный результат. Он и она жили счастливо. Супруг, движимый волной моей зависти, легко стал подниматься по служебной лестнице, как результат росло материальное благосостояние – они купили квартиру, машину, земельный участок за городом.

А я всё завидовал и завидовал. Настойчиво и терпеливо.

Когда понял, что результата нет, перешел на пожелания молодой семье Белоиван счастья и долгой семейной жизни, надеясь, по обычаю, на противоположный результат.

И так измучился, что неожиданно потерял сознание прямо на рабочем месте.

Уже после я узнал, что не приходил в сознание три дня. В бреду я произносил какое-то женское имя, не помню какое. Мелькали лица девочек и девушек, мальчиков и мужчин. Я смутно их помнил, но в бреду точно знал, что это Коля Сугробов с отцом, это Васька Дюбин, который коверкал слово «жигули», это Катя Медведева, это Вика Черных, Костя Волков, умерший от операции аппендицита, первая учительница Людмила Ивановна с мужем-нефтянником, очкарик Миша Дутов, Света Сквородкина, Настя Ломакина... Не было пары Белоиван и близкого друга Андрюхи Лытко. Чаще всех в бреду появлялась Лика. Когда я ее видел, мне становилось особенно худо и... стыдно.

И я понял: испытание мне послано за грехи. Нельзя завидовать, нельзя желать смерти и посылать проклятья людям только за то, что они оказались на моем пути к счастью. К миражному счастью, которое помаячило и исчезло. Едва путь освободился, мне стало скучно и не интересно.

Нельзя желать людям зла! Иначе все проклятья бумерангом вернуться к тебе.

И когда я это осознал, то сразу вернулся из небытия в живой мир.

Рядом с моей кроватью сидели на стульях две женщины. Одной из них была моя мать, другой – Лика, бывшая супруга моего лучшего друга.

Мать что-то начала говорить, но я не слышал, весь сосредоточился на молодой женщине. Это была она и не она.

- Это ты? – скрипучим голосом спросил я. – Но откуда...

- Я почувствовала, что нужна тебе...

- Неужели это ты? – не мог успокоиться я.

- Я. А что сильно изменилась? – мило улыбнулась она своей мягкой неповторимой улыбкой. И пригладила рукой коротко стриженные каштановые волосы.

- Ты прекрасна, - искренне признался я.

- Правда?

- Я честен, как никогда.

- Ну, раз тебе лучше, я, пожалуй, пойду.

- Останься, Лика, - хором попросили мы с матерью.

Цикл «Времена года»

- Останься, Лика, - снова повторил я и протянул ей руку.

Она заколебалась, но в итоге взяла мою слабую ладонь обеими руками – ледышками. Я притянул их к своим губам и поцеловал.

- У нас всё получится, - тихо сказал я, - и не надо ничего обещать. Будем просто жить...

- И рожать детей, - не дала мне договорить мать, которая всё давно решила за меня и Лику.

- И рожать детей, - согласился я.

Во мне не поселилась жалость к некогда отвергнутой женщине, не заговорила совесть, не вспыхнула ярким обжигающим пламенем любовь, которая может в недалеком будущем угаснуть. Я находился в трезвом рассудке, был совершенно спокоен, не метался в поисках выхода, не мечтал о чем-то несбыточном. Во мне поселилась уверенность, что с этого дня всё пойдет по-другому. Я изменил свое отношение к людям.

Не знаю, сколько проживу еще на этом свете, но точно знаю одно: прошлые сорок лет я потратил впустую...

За окном больницы веселились птицы, радуясь наступлению весны. А возможно, началу нового этапа жизни не совсем пропавшего человека, рядом с которым сидела симпатичная женщина с умными все понимающими глазами...

Январь 2013г.